

***КОНФЕССИЯ И ИМЯ: МУЖСКИЕ ИМЕНА НЕМЕЦКОЙ
ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЗНАТИ В XVI–XVII ВВ.***

Изгибы исследовательских интересов часто являют удивительную пестроту. М. Миттерауэр и его коллеги весьма успешно разрабатывают проблему ономастики на средневековом материале, в то время как период Реформации и конфессиональных потрясений остается за пределами больших обобщений. Отдельные наработки строятся исключительно на региональном материале. Между тем уже давно — и в отношении Германии особенно — отмечалось влияние семейно-родственных факторов и, прежде всего, крестников при выборе имен. М. Миттерауэр не стал касаться подробно этой темы, лишь отметив устойчивость передачи имен от крестников в позднее средневековье¹. К. Ролькер несколько подробнее охватил немецкий материал, правда, преимущественно верхней Германии и рейнских земель. Историк даже склонен считать исключительную роль крестников немецким феноменом, в других регионах Европы не столь выраженным. Речь идет, по его мнению, о своеобразной трехчастной модели: как правило, в обряде крещения принимало участие три крестника, два из которых принадлежали роду ребенка². Стало быть, ответ на вопрос следует искать сперва в семейной истории, хотя по источникам проследить это подчас весьма сложно. Но мы согласимся с общим посылом: далеко не только догматика могла определять появление имен в конфессиональной Германии.

¹ Mitterauer M. Ahnen und Heilige. Namensgebung in der europäischen Geschichte. München, 1993.

² Rolker Chr. Patenschaft und Namengebung im späten Mittelalter // Konkurrierende Zugehörigkeit (en). Praktik der Namengebung im europäischen Vergleich / Hrsg. von Chr. Rolker, G. Signori. Konstanz, 2012. S. 28.

Не менее важно иметь в виду и «энергию» имени. Догматический разрыв, как показывают исследования, не всегда влек мгновенную переориентацию. А. М. Бальбах, например, предпочитает говорить об очевидных расхождениях на примере общины Аугсбурга уже к концу XVI в.: устойчивая линия предпочтения библейских и новозаветных имен явно прослеживалась у протестантов. Впрочем, позже она заметно размылась. Р. Кляйнодер менее решителен: его исследование совершенно не подтверждает старую точку зрения о быстрой переориентации населения до 1700 г. Лишь в XVIII в. в Верхнем Пфальце на поле выбора имен различия между католиками и протестантами стали очевидными³.

Может быть, несколько более простым в рамках небольшого исследования становится выборка имен у властной элиты. Мы сосредоточимся лишь на мужских именах вюртембергских властителей и дрезденских Веттинов, двух ведущих сил лютеранской Германии, ограничив сюжет периодом после Аугсбургского мира и окончанием Тридцатилетней войны. Здесь возникает возможность опереться на «готовый» продукт, имея в виду уже состоявшееся воцерковление избранных нами династий, и оттолкнуться от рубежа, обычно именуемым временем «становления конфессиональных сообществ».

В отношении Вюртемберга речь идет о потомстве герцога Фридриха I (1558–1608) вплоть до детей герцога Эбергарда III. Согласно генерационной классификации Г. Раффа, подразумеваются 11–14 поколения Дома Вюртемберг. Такая точка отсчета не должна смущать. Если и можно отыскать сугубо личный рубеж торжества зрелого лютеранства, то его, безусловно, следует связывать с фигурой Фридриха. Он был ровесником крупномасштабных реформ, предпринятых его дядей Христофором, детство его пройдет под знаком консолидации

³ Kleinöder R. Konfessionelle Namengebung in der Oberpfalz von der Reformation bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main; Wien, 1996; Balbach A. M. Jacob, Johann oder Josef? — Frühneuzeitliche Vornamen im Streit der Konfessionen // Konfession und Sprache in der Frühen Neuzeit. Interdisziplinäre Perspektive / Hrsg. von J. Macha, A. M. Balbach, S. Horstkamp. Münster, 2012. S. 11–30. Здесь же подробный обзор литературы, в том числе трудов реформаторов и их оппонентов.

старолютеранской ортодоксии и будет отмечено знаменитой датой подписания Формулы Согласия.

Конечный же пункт нашего обзора связан с наследниками едва ли не самой плодотворной четы в истории вюртембергских властителей: детей Эбергарда III и двух его жен. Сам отец многочисленного семейства взял бразды правления в нелегкие годы войны в 1628 г. Ему пришлось не только напрягать все силы своей страны в борьбе с католическим блоком, но и до дна испить горькую чашу всевозможных лишений. Напомним, после Нордлингенской катастрофы герцог со своим двором бежал в Страсбург, где изгнанником, не признав Пражский мир, прожил долгие для него четыре года. Только в 1639 г. получив своеобразное прощение престола, герцог возвращается в Штутгарт. Там еще целых полтора десятка лет он будет прирастать потомством обеих полов в обстановке мира и разрядки после 1648 г. Для нас совокупность условий и поведения правящего властителя означает несомненный маркер духовных ценностей, вполне пригодный для обсуждения предпочтений при выборе имен⁴.

Саксонская модель ограничена детьми курфюрста Августа I и их потомством вплоть до наследников Иоганна Георга II. В основе вновь лежит конфессиональный признак. Кроме того, в отличие от Вюртемберга, лидировавшего, как уже упоминалось, на ниве богословия, саксонское курфюршество на протяжении всего избранного отрезка доминировало

⁴ Биографии указанных в настоящей статье вюртембергских властителей с указанием новейшей литературы и важнейших архивных фондов см.: *Das Haus Württemberg. Ein biographisches Lexicon* /Hrsg. von S. Lorenz, D. Mertens, V. Press. Stuttgart, Berlin, Köln, 1997; Отдельные персонажи: *900 Jahre Haus Württemberg. Leben und Leistung für Land und Volk* /Hrsg. von R. Uhland. Stuttgart, 1984; *Neue Deutsche Biographie*, Bd 1–59, Berlin, New York, 1953 al.; Историко-генеалогический обзор: Raff G. *Hie gut Wirtemberg allwege*. Bd 2: *Das Haus Württemberg von Herzog Friedrich I. bis Herzog Eberhard III.* Degerloh, 1993); Bd 3 *Das Haus Württemberg von Herzog Wilhelm Ludwig bis Herzog Friedrich Karl. Mit den Linien* Stuttgart, Winnental, Neuenstadt am Kocher, Neuenbürg, Mömpelgard und Oels, Bernstadt und Juliusburg in Schlesien und Weiltingen. Degerloch 2002; *Europäische Stammtafel. Stammtafel zur Geschichte der europäischen Staaten. Neue Folge* / Hrsg. von D. Schwennicke. Bd 1. Varrburg, 1985. Tafel 122–128; Обзор региональной истории: Weller K., Weller A. *Württembergische Geschichte im südwestdeutschen Raum*. Stuttgart, 1972; Marquardt E., Eschenburg Th. *Geschichte Württembergs*. Stuttgart, 1985.

в качестве ведущей силы всего евангелического лагеря Империи. Семья дрезденских Веттинов являла здесь пример образцового следования заветами имперской верности и защиты евангелической веры⁵.

Оба Дома в религиозном аспекте представляли строго лютеранский полюс имперской элиты.

Гораздо сложнее с выбором источников. Все исследователи давно уже отмечают исключительную трудность в объяснении мотивов именно по причине отсутствия прямых свидетельств. К. Ролькер и Р. Кляйнодер предваряют исследования указанием на относительность, косвенность признаков. Р. Кляйнодер справедливо отмечает: выбор имени при всех факторах влияния всегда оставался выбором родительской четы и личных обсуждений⁶. Так было в миру городских и сельских общин, но также было и при дворах знати. И избранные примеры здесь не исключение.

Дворы Штутгарта и Дрездена знали в век Реформации разветвленные штаты, оставившие обильный актовй материал. Но в нем мы крайне редко встречаем свидетельства из первых уст, т. е. мнение родительской четы. Да и круг возможных поисков, надо признаться, не велик. Корреспонденция родителей и родственников, равно как переписка с влиятельными чинами Империи выражают большей частью радость по случаю рождения в принятых стилизованных формах, содержит приглашения на крестины и ограничивается поминанием самого имени новорожденного. Подростие наследники и наследницы

⁵ Новейшие биографические очерки по дрезденским Веттинам: Die Herrscher Sachsens. Markgrafen, Kurfürsten, Könige 1089–1918. München, 2007; Gross R. Die Wettiner. Stuttgart, 2007; Blaschke K. Der Fürstenzug zu Dresden. Denkmal und Geschichte des Hauses Wettin. Leipzig, Wien, Berlin, 1991; историко-генеалогический материал: Sächsische Biographie — das personengeschichtliche Lexicon zur Geschichte Sachsens / Hrsg. von Institut für Sächsische Geschichte und Volkskunde, URL: <http://www.isgv.de/> (дата обращения: 10.09.2014); Posse O. Die Wettiner. Genealogie des Gesamthauses Wettin Ernestinischer und Albertinischer Linie. Leipzig, 1994. Обзор истории курфюршества в указанный период: Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen / Hrsg. von h. Junghans. Leipzig, 2005; Smolinsky H. Albertinisches Sachsen // Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung / Hrsg. von A. Schindling. Bd 2. Münster, 1990. S. 9–33; Sachsen und seine Sekundogenituren. Die Nebenlinien Weißenfels, Merseburg und Zeit (1657–1746) / Hrsg. von M. Schattkowsky, V. Wilde. Leipzig, 2010.

⁶ Kleinöder R. Konfessionelle Namengebung. S. 209.

ВЫПУСК III

вроде бы могли и помнить о причинах своих имянаречений, но подобного рода реминисценций наши акты не знают. Правда, в круговерти придворной жизни всегда оставалось почетное место для празднования именин. Но в гратуляциях и праздничных адресах мы встречаем лишь свидетельство самого имени. «Счастливей христианский день крестин Фридриха», как писал в 1606 г. один советник Фридриху I Вюртембергскому по случаю его именин⁷.

Справедливо предположить большую осведомленность третьей стороны. Под ней нам следует понимать придворных духовников, вершивших сам обряд. Но официальная корреспонденция почтенных пастырей молчит, а рабочая переписка фокусирует внимание лишь на отдельных организационных аспектах. Ясно, что духовенство если и выступало консультантом, то лишь в строго интимной закрытой от широкой огласки сфере. Свою роль, надо полагать, играла не только пространственная близость общения, исключавшая потребность в переписке, но и глубоко сакральный взгляд на само имя. Связанные с этим многочисленные табу могли потенциально исключать всякое излишнее поминание причин выбора на бумаге и в корреспонденции.

Приведенное соображение находит, на наш взгляд, подтверждение как раз в косвенных свидетельствах, оставленных духовенством. Окончание жизненного пути давало повод вспомнить его начало и своеобразным образом расшифровывало тайну имени, если при жизни подразумевалось именно то сокровенное, что, по мысли единоверцев, должно было скрываться за ним. И все же остается риск чрезмерного доверия: духовные лица были явно пристрастны, тем более, когда речь шла о прославлении покойного в вере. Именно здесь имя символизировало высший Промысел. Охотно проводили параллели: благочестивая жизнь покойного или покойной была созвучна благочестивому имени, данному при крещении⁸.

⁷ Главный государственный архив Штутгарта: Hauptstaatsarchiv Stuttgart (далее: HSTAST) G 59 Büschel 11 Korrespondenzen. Письмо Лаврентия Дитриха Фридриху I от 3 мая 1606 г. Без пагинации.

⁸ Примеров здесь множество. Так, скончавшуюся в 1589 г. герцогиню Анну Марию Вюртембергскую сравнивали с библейской Сарой; умершую

Авторы словно стесняются возможных тривиальных для них причин, восходивших к семейно-династической традиции или к именам важных крестников, не имевших прямого касательства к акту веры. И текст загромождается многословием библейских параллелей. Вполне естественно здесь подозревать дилемму, стоявшую перед духовниками: либо указать реальную причину и тем заметно размыть дидактический пафос, либо тактично ее обойти, обрушившись на читателя потоком нравоучений, поводом которому давало само имя, а не его выбор.

Нам не остается ничего другого, как подойти к последнему источнику: к спискам крестников, прилагавшихся к протоколам и инструкциям, обсуждавшихся в корреспонденции и часто, отдельными подшивками поступавшими в архив. Как и все, рожденное в мире иерархий, они носили ясно выраженную иерархическую основу. Списки нумеровались, исправлялись по мере прояснения деталей: часто приглашенные крестники посылали вместо себя полномочных резидентов или доверенных вассалов. По некоторым представителям Дома Вюртемберга, мы имеем исчерпывающую картину: герцог Эбергард III и его супруги, например, вели особую тетрадь, судя по всему, мемориального характера, пышно убранную, в которой на пронумерованных листах фиксировались списки крестников многочисленного потомства. Сложнее, впрочем, будет реконструировать картину для второй половины XVI в.: далеко не для всех членов вюртембергской княжеской семьи мы находим подобного рода перечень.

в 1606 г. Сибиллу Елизавету, курфюрстину Саксонскую и урожденную принцессу Вюртембергского Дома — с Сарой, Рахелью и Ребеккой, с ней же — почившую в 1623 г. принцессу Гейнрику. В 1627 г. пастор Эрхард Вайнманн восхвалял умершую Барбару, маркграфиню Баденскую, подобием библейской Варвары из Никомедии (Osiander L. Ein trostliche Predigt († Anna Maria, Herzogin von Wirttemberg). Tübingen, 1589. S. 16; Экземпляр HSTAST J 67 Leichenreden); Hoe von Hoennegg M. Ein christliche Predigt († Sibylla Elisabeth, Kurfürstinn zu Sachsen). Leipzig, 1606. S. 18 (Экземпляр HSTAST J 67 Leichenreden); Weinmann E. Die erste christliche Predigt († Heinrica, Hertzogin zu Wirttemberg und Teck). Stuttgart, 1623. S. 51 (Экземпляр HSTAST J 67 Leichenreden); Weinmann E. Die andere christliche Predigt († Barbara, Marggraffin zu Baden und Hochberg). Durlach, 1627. S. 155 (Экземпляр HSTAST J 67 Leichenreden).

ВЫПУСК III

Списки дают нам косвенное указание на выбор по порядковой нумерации крестников. Совпадение первых номеров с крестильным именем увеличивает шансы на разгадку. Но вновь — это лишь косвенный путь.

Итак, мы ступаем на насыщенную и в то же время зыбкую почву. И все же постараемся составить, насколько возможно, детальное представление.

Начнем с Вюртемберга. Герцог Фридриха I имел многочисленное потомство от брака с Сибиллой Ангальтской. Сам же он был первым в истории своего Дома, носившего это имя. Возможность появления крестника, как транслятора имени, из числа ближайшей родни здесь была совершенно исключена. Равным образом и влияния староцерковного каталога, мало что давшего собственно по Фридриху и исключенного к тому же Реформацией. Р. Крауз, а вслед за ним и П. Зауэр полагают, что имя дали по одному из крестников курфюрсту Фридриху III Пфальцскому, знаменитому Реформатору-кальвинисту⁹. Г. Рафф менее решителен: он признается, что доказать это невозможно, тем более, как выясняется, сам курфюрст Фридрих не был в день крестин в Мемпельгарде, где увидел свет будущий властитель Вюртемберга¹⁰. Молчат и панегирики духовных лиц. В надгробных текстах обыгрывается разве что мотив истинно миролюбивого, доброго государя: благодать имени сообщается всей стране. Так, например, писал Эразм Гюмингер в своей «печальной и покаянной проповеди» 1608 г.¹¹ Но в любом случае мы видим рождение традиции и позже имя Фридрих станет сравнительно частым в биографии Вюртембергского Дома.

У Фридриха было 14 детей, из них — 9 мальчиков. Первенцем стал Иоганн Фридрих, будущий наследник отца на герцогском престоле. Так же, как у отца здесь впервые в истории Вюртемберга выступает имя Иоганн. Связать имя с библейско-новозаветной традицией не представляется возможным,

⁹ Krauß R. Die männlichen Vornamen Im Hause Württemberg // Württembergische Vierteljahrshefte für Landesgeschichte. Neue Folge. Jahrgang 25. Stuttgart, 1916. S. 369; Sauer P. Herzog Friedrich I von Württemberg 1577–1609. Ungestümer Reformier und weltgewandter Autokrat. München, 2003. S. 18–19.

¹⁰ Raff G. Hie gut Wirtemberg allwege. Bd 2. S. 4–55.

¹¹ Güminger E. Die ander Klag- und Bußpredigt († Friedrich I., Hertzog zu Wirtemberg). Stuttgart, Anno 1608. S. 23 (Экземпляр HSTAST J 67 Leichenreden).

ибо дата рождения (4 мая 1582 г.) исключает всякие параллели со днем Иоанна Крестителя или апостола Иоанна Евангелиста (соответственно 24 июня и 27 декабря). Зато среди крестников фигурировал на первых ролях пфальцграф Иоганн Казимир, знаменитый брат лютеранского властителя Пфальца курфюрста Людвига VI. Р. Крауз предпочитает говорить именно о нем как о трансляторе имени при крещении, не приводя, впрочем, иных документальных доказательств¹².

Вторым мальчиком стал Людвиг Фридрих, основатель в будущем боковой линии Вюртемберг-Мемпельгард (Монбельяр), владения которой с давних пор располагались на левом берегу Рейна в альпийских отрогах, в окружении земель французской короны. Здесь очевидно сыграла свою роль традиция собственно семейная: предшественником отца на герцогском престоле был Людвиг, сын Христофора Вюртембергского. Иных объяснений, в том числе вытекавших из каталога приглашенных крестников или родственников матери, не видно. То же самое касалось третьего отпрыска Георга Фридриха. Имя Георг, никак не связанное здесь с церковным календарем и крестниками, могло указывать лишь на память о его деде, Георге Вюртембергском, младшем брате знаменитого Ульриха. Но это лишь гипотеза, как и то, что в числе его крестников мог фигурировать Георг Фридрих маркграф Бранденбург-Ансбахский, одна из самых заметных фигур региональной и общеимперской истории конца века.

Скончавшийся вскоре после рождения четвертый принц Иоахим (1587) вновь «выпадал» за привычный каталог родовых имен. В истории его предков мы не встречаем ни одного обладателя этого имени. И объяснить его появление мы можем лишь указанием на отца матери — Иоахима Эрнста Ангальтского, скончавшегося в 1586 г. Кроме того, при неприятных расхождениях в религиозных предпочтениях (Асканиец был ревностным поборником реформатской доктрины), дед новорожденного был связан с Вюртембергом собственными узами родства. Вторым браком с 1571 г. он был женат на дочери герцога Христофора Екатерине, приходившейся двоюродной племянницей отцу маленького Иоахима. Родственная солидарность предстала здесь в ярком свете.

¹² Krauß R. Die männlichen Vornamen... S. 370.

Совершенно иная картина складывается при рождении двух следующих принцев: Юлиа Фридриха, основателя Вейтлингенской линии вюртембергских герцогов (1588–1635) и Филиппа Фридриха, не прожившего и года (1589). Среди крестников первого мог находиться герцог Брауншвейг-Вольфенбюттельский Юлий. Но здесь впервые нам попадает объяснение духовного лица. Пастор Андрей Осиандер позже вспоминал в надгробной проповеди, что отец давал своим сыновьям такие имена, которые могли бы служить указанием на их «великие деяния»¹³. Пожалуй, впервые дух Ренессанса со столь ясной убедительностью предстал в родословице вюртембергских властителей. Вспомним и мир увлечений самого Фридриха. Подчеркнуто дисциплинированный лютеранин, он, однако, живо интересовался веяниями эпохи, много путешествовал, был в Италии и, видимо, пытался синтезировать свой опыт на духовной строго лютеранской почве родного Вюртемберга. Преданность вере не только не исключала модные тогда ренессансные мотивы юга, но помогала обретать целеустремленность, стоицизм, столь свойственный концу XVI в. Едва ли бы автор надгробной речи обошел возможного брауншвейгского крестника, не будь собственно отцовских пожеланий.

Столь же эпатажно звучало и имя Филиппа. Осиандер в надгробной проповеди приводит слова самого отца о желании крестить новорожденного именем знаменитого царя Македонян. Насколько верным было это утверждение? Трудно сказать, не имея на руках свидетельств из первых рук. Но также как и в случае с Юлием мы отмечаем необычность, на которую обратил внимание пастырь и которая едва ли бы стала предметом удивления, особенно на страницах духовной проповеди, будь иные веские причины, связанные с крестниками или близкой родней.

Три последних родившихся у Фридриха сына лишь добавляют пищу размышлениям о своеобразной ренессансной моде, поощряемой отцом: Фридрих Ахилл (1592–1634), Магнус (1594–1622) и Август (родился и умер в 1596). В первом случае мы видим комбинацию родового имени и героического знака. В двух последних — только представление героических мотивов. В случае с Магнусом реминисценции относительно северных

¹³ Krauß R. Die männlichen Vornamen... S. 371.

датско-балтийских княжеских домов исключены отсутствием всякой родственной связи на тот момент. И вновь пастор Бернгард Людвиг Леэр, читая поминальный текст в 1622 г., отмечает уже повторявшееся в судьбах других: «Его Княжеская Светлость воистину была исполнена героического подвижничества... Достопочтенные родители Их Княжеской светлости, хорошо зная, что дети великих людей рождаются для свершения великих и славных дел, с превеликим усердием к этому стремились и его после рождения посредством святого Крещения решились вписать в божественную книгу героев, дабы он отринут был от черта и всех его козней. И получил он имя Магнус, дабы великим сделался в совете и помощи для Бога и людей»¹⁴. Еще определенной Андрей Осиандер, вспоминая: «На вопрос, кем следует крестить младенца, государь начертал в записке до сих пор у меня (т. е. у Осиандра. — А. П.) имеющейся: «Должен он зваться Магнусом. Дай Бог, что был он по делам и имени велик был»¹⁵. Крещение последнего сына Августа в какой-то мере объясняет и замыкает круг героических предпочтений отца: вслед за Юлием появление ребенка с таким именем было бы вполне объяснимым. Тем более, не могло быть и одноименных крестников: потенциальный кандидат курфюрст Саксонии Август был к тому времени уже как десять лет в могиле, а его одноименный внук — слишком мал, дабы фигурировать в списке крестников.

В таблице подведены итоги этому поколению.

ВЮРТЕМБЕРГ: ДЕТИ ГЕРЦОГА ФРИДРИХА I

<i>Общее число номинантов</i>	9
<i>Имена крестников в % от общего числа номинантов</i>	11
<i>Имена из династической традиции в % от общего числа номинантов</i>	33
<i>Комбинация имен крестников и традиции в % от общего числа номинантов</i>	33
<i>Прочие имена в % к общему числу номинантов</i>	22
<i>Комбинации с участием прочих имен в % к общему числу номинантов</i>	22

¹⁴ Löhner B. L. Die ander christliche Predigt († Magnus, Hertzog zu Wirtemberg und Teck). Stuttgart, 1622. S. 48 (Экземпляр HSTAST: J 67 Leichenreden).

¹⁵ Krauß R. Die männlichen Vornamen... S. 372.

ВЫПУСК III

Следующее поколение вюртембержцев дает любопытную картину. Первый сын Иоганна Фридриха родился и умер в 1612 г. и был крещен именем Фридрих. Надпись на его гробу объясняет имя памятью о деде¹⁶. Спустя два года супруга еще раз счастливо разрешилась от бремени. На свет вновь появился мальчик. То был знаменитый Эбергард III. Крещен он был 1 января 1615 г. Отец его, Иоганн Фридрих (редкий случай!) оставил запись о приятном событии в своем дневнике: «1 января перед полуднем я после проповеди велел крестить в придворной капелле моего сына, и назвал его Эбергардом, крестниками были братья Ахиллес Фридрих и брат Магнус, мои три сестры, девицы Агнес, Барбара и Анна, и земство. Посланниками его (т. е. земства. — А. П.) были аббат Блаубойрена, аббат Адальберга и бургомистр Бракенхайма. Ребенка же несла моя сестра Анна, каковую вели ландгофмейстер фон Лимпурк и господин фон Мерсбург, и доктор Хубер, тогда надворный проповедник, свершил крещение»¹⁷. Мы видим здесь крайне узкий круг самих крестников. Судя по записи, не было ни одного представителя прочих имперских князей, даже из числа родни. Совершенно ясно, здесь отец следовал исключительно традиции, дав будущему прародителю всех последующих поколений имя далекого предка, первого герцога Вюртемберга Эбергарда Бородатого.

Третьему принцу обрадовались через год: им стал еще один Фридрих, судьба которого оказалась счастливей первенца. Основатель линии Вюртемберг-Нойштадт он скончается во вполне по меркам тех лет преклонном возрасте в 1682 г. Неизвестно, было ли вновь здесь заявлено желание отца во чтобы то ни стало увековечить память о собственном родителе, только в списке крестников на сей раз фигурировали в высшей степени почтенные фамилии: первым значилась супружеская пара курфюрста Фридриха V Пфальцского и Елизаветы. Даже если бы отец мечтал воспроизвести дедовское имя, оно в высшей мере корректно соответствовало первому крестнику. Судя по богатой литературе, откликнувшейся на радостное событие и в Англии и в Германии, скорей всего

¹⁶ Raff G. Hie gut Wirtemberg allwege. Bd 2. S. 327.

¹⁷ Raff G. Hie gut Wirtemberg allwege. Bd 2. Anm. 8. S. 381.

сам крестник был польщен сыгранной ролью, зная, в честь кого будет крещен швабский принц¹⁸.

В мае 1617 г. в герцогской семье родился четвертый сын. 13 июля того же года он был крещен как Ульрих. О крестниках с таким именем говорить не приходится. Совершенно ясно — перед нами дань исключительно династической традиции.

Наконец, в 1623 г. череду наследников замкнул принц с удивительным, видимо, даже для современников именем Эберталь. Младенец был слаб и скончался уже в следующем году. Но поразительно то, как определенно современники трактовалось его имя. Уже упомянутый пастор Бернгард Леэр сообщает, что назван он был «по одному из его дедов, каковой в регистре истории назван был вторым»¹⁹. По мнению Р. Крауза, сильно начитанный в истории собственного Дома отец решил дать имя некоего Эберталя, сына Альбрехта, бывшего майордомом и зятем Карла Великого, и, как считалось, одним из прародителей вюртембергского княжеского рода²⁰. Во всяком случае, надпись на гробе почти дословно повторяет текст Леэра. Судя по историческим текстам более позднего времени, этого «апокрифического» Эберталя еще смешивали собственно с именем Эбергард.²¹ Так или иначе, перед нами чистый продукт родительской воли, основанный на легендарной семейной традиции.

Таким образом, из пяти имен четыре восходят к семейно-династической традиции и одно (второй Фридрих) стало, видимо, результатом присутствия весьма именитого крестника (Фридрих Пфальцкий).

Обратимся к потомству младших братьев Иоганна Фридриха. Старший из них, Людвиг Фридрих, уже упомянутый основатель Мемпельгардской ветви, имел в двух браках четырех наследников. Первый из них, рано умерший Христофор, был назван в память давно покойного родственника. Письмо отца тестю, ландграфу Гессен-Дармштадскому, опубликованное Г. Раффом, рассеивает всяческие сомнения (редчайший пример столь откровенного признания!): «был он чудным

¹⁸ Raff G. Hie gut Wirtemberg allwege. Bd 2. S. 418.

¹⁹ Löher B. L. Christliche Leich Predigt (†Eberthal von Württemberg). Stuttgart Anno MDCXXIV. S. 24 (Экземпляр HSTAST J 67 Leichenreden).

²⁰ Krauß R. Die männlichen Vornamen... S. 375.

²¹ Raff G. Hie gut Wirtemberg allwege. Bd 2. S. 505.

дитя, крохотным, но в больших членах и явился на свет с (как Вы это называйте) с крестовой головой (*ein kreuzkoppf*), что означало недолгую жизнь, и к великому несчастью моей дорогой супруги, будучи восьмимесячным, вскоре 30 декабря до полудня около половины десятого был крещен, ибо сразу же оказался слабым, и по достойному князю герцогу Христофору назван...»²². Вторым по счету в 1624 г. стал Леопольд Фридрих, обладатель еще одного до той поры совершенно не употребляемого предками имени. Здесь можно лишь догадываться, поскольку даже сторонних свидетелей не осталось: дневник герцога Иоганна Фридриха лишь глухо упоминает о приглашении младшего брата стать крестником, а из всех историков лишь француз Клеман Дюферне прямо указывает на эрцгерцога Леопольда Пассауского, брата императора, как на источник крестильного имени²³. Молчание историков красноречиво, но других вариантов, кроме рецепции принятого в семье Габсбургов имени, попросту нет. Никакими иными версиями природу появления его в 1624 г. истолковать нельзя. Скорее всего, речь шла о попытках сближения или урегулирования отношений с Габсбургами и о согласии родственника императора стать крестником лютеранского принца. В обстановке триумфа католического блока, разгрома Унии и исключительно шатких позиций Вюртемберга, особенно после курфюршеской инвеституры Максимилиана Баварского, подобный шаг кажется вполне допустимым.

Георг, родившийся в 1626 г. во втором браке отца с графиней Анной Элеонорой Нассау-Саарбрюккен, получил имя, вероятней всего, в память о прадеде. Решение родителей выглядит вполне понятным, если учесть имя первенца Христофора.

Последним четвертым сыном стал Генрих (1627–1628), дата крещения которого остается неизвестной и сам ребенок в исторических хрониках конца XVII в. претерпел удивительную гендерную метаморфозу: он превратился под пером ученых мужей в девочку и получил милое имя Генриетта или

²² Raff G. Hie gut Wirtemberg allwege. Bd 2. S. 511–513.

²³ Raff G. Hie gut Wirtemberg allwege. Bd 2. S. 531.

Генрика!²⁴ За неимением иных данных, мы вправе, конечно, предположить имя древнего предка, жившего в XV в., крещеного в свою очередь в честь родственника из числа баварских Виттельсбахов. Что отец любил давать имена предков, доказывалось двумя предшествовавшими случаями. Но не было ли среди крестников родственника по матери, знаменитого Фридриха Генриха Нассау-Оранского, только недавно тогда ставшего штатгальтером Нидерландов? Появление последнего среди крестников выглядело бы вполне понятным из-за стремления зажатого со всех сторон католическими силами герцогства найти поддержку на севере. Все же мы бы отнесли этот случай к числу традиционных.

Совершенно оригинальным видится мужское потомство третьего сына герцога Фридриха, Юлиуса Фридриха, основателя Вайтлингенской линии. Родерих (1618–1651), Сильвиус Нимрод (1622–1664), Манфред (1626–1662), Юлий Путешественник (1627–1647), Суэно Мартиалис Эденольф (1629–1656) — имена, не имевшие ничего общего ни с традициями Дома, ни с возможными крестниками. Настоящий всплеск Ренессанса и памяти о героическом прошлом Священной империи и германского королевства! Р. Крауз считает виной всему участие отца в походе иоаннитов на Эфес в 1613 г., его путешествия и любовь к охоте.²⁵ Мы можем лишь добавить и любовь к родному Вейтлингену: Сильвиус Нимрод был определенно назван по имени родового гнезда (от латинской транскрипции Вайтлингена: *Silvianopolis*)²⁶ Лишь в случае с четвертым, Юлием Путешественником, встречается память о самом отце. Разумеется, мы можем здесь акцентировать и чисто национальный аспект, своеобразный подчеркнутый германизм, отраженный в трех именах, и видеть в том некое следствие конфессиональных новаций, лютеранства с его выпячиванием германских первоистоков. Но не менее щедро представлены и античные реминисценции. И как бы то ни было — перед нами исключительно свободный выбор родителя, не связанный с династической традицией и влиянием крестников.

Подведем табличный итог этому второму поколению.

²⁴ Raff G. *Hie gut Wirtemberg allwege*. Bd 2. S. 597.

²⁵ Krauß R. *Die männlichen Vornamen...* S. 374.

²⁶ Krauß R. *Die männlichen Vornamen...* S. 652.

ВЮРТЕМБЕРГ: ВНУКИ ГЕРЦОГА ФРИДРИХА I

<i>Общее число номинантов</i>	14
<i>Имена крестников в % от общего числа номинантов</i>	14
<i>Имена из династической традиции в % от общего числа номинантов</i>	50
<i>Комбинация имен крестников и традиции в % от общего числа номинантов</i>	7
<i>Прочие имена в % к общему числу номинантов</i>	29
<i>Комбинации с участием прочих имен в % к общему числу номинантов</i>	-

В третьем поколении самым плодовитым оказывается знаменитый спаситель Вюртемберга в невзгодах Тридцатилетней войны Эбергард III Великий (1614–1674). В двух браках он имел 25 детей: из них 18 сыновей, включая одного мертворожденного.

Первыми двумя, родившимися еще в изгнании в Страсбурге, стали Иоганн Фридрих (1637–1659) и Людвиг Фридрих (1638–1639). Список крестников явно выдавал приоритеты. Никаких фантазий! У купели Иоганна Фридриха первыми лицами выступали оба маркграфа Баденских — Георг Фридрих и Фридрих Баден-Хохберг. Давние соратники по несчастью, изгнанные, как и Вюртембержец, из родных гнезд и обитавшие в Страсбурге, видимо, подле герцогской резиденции. Появление деда по материнской линии — отца супруги герцога рейнграфа Иоганна Казимира, дает разгадку и первого имени Иоганн. Еще один редкий случай, когда мы можем в деталях реконструировать картину²⁷.

²⁷ HSTAST, G. 88, Büschel 1 Acten des gnädigen Fürsten und Herren, Herrn Eberhard, Hertzog zu Württemberg Verheyratung, Hochzeit und Kindtaufs Sachen betreffend de Annis 1636, 37, 38. Черновой список крестников. Перечислены первыми: Георг Фридрих, маркграф Баденский и Хохберг и Фридрих, маркграф Баденский и Хохберг. Что второй выступал в главной роли видно из примечания против его имени: «держал младенца за место его княжеской милости отца и сам поднес его к купели». Третьим следовал Иоганн Казимир, отец супруги, которого представлял барон фон Клебенштайн. Что тому отводилась роль второго главного крестника явствует из канцелярского черновика письма Эбергарда своему тестю, датированного 10 сентября, т. е. днем спустя: «Не можем мы скрыть от господина графа и князя, что Господь Всемогущий супругу нашу госпожу Анну Катарину, герцогиню Вюртембергскую и урожденную пфальцграфиню Рейнскую, вчерашним вечером около 4 часов разрешил бременем и милостиво наделил нас младенцем сыном. За что нам Всемогущего от сердца следует

При крестинах не прожившего и года Людвига Фридриха, как то видно из списка крестников, ключевую роль играли имена либо пфальцграфа Отто Людвига, бывшего тогда протестантским администратором Пфальца, либо родственника матери рейнграфа Иоганна Людвига. Второе имя, скорее всего, можно было бы отнести к семейной традиции. Характерно, что значившиеся по статусу и номерам первые крестники — курфюрсты Саксонии и Бранденбурга — здесь не принимались в расчет²⁸.

Два следующих принца в своих именах явно следовали семейной традиции: Христиан Эбергард (1639–1640) и Эбергард (1640). Забегая вперед, отметим еще одного Эбергарда, родившегося незадолго до кончины отца и прожившего меньше года (1672). Первое же имя у Христиана Эбергарда было прямым следствием появления, пожалуй, самого именитого крестника короля Дании Христиана IV, числившегося первым в череде приглашенных персон.

При крестинах Вильгельма Людвига вновь предпочтение давалось крестникам: курфюрсту Фридриху Вильгельму Бранденбургскому, быть может, и Вильгельму, ландграфу Гессенскому, и, конечно же, Людовику принцу Конде, тогда командовавшему

возблагодарить. Но поскольку у ее княжеской милости таковые роды случились непредвиденно и преждевременно, и посему мать и младенец оказались в опасном для жизни состоянии, то вынуждены были мы еще в тот же вечер такового младенца затребовать к святому Крещению и соединить его с Господом Христом, таким образом, что господин граф наряду с прочими в сей же час были избраны в качестве свидетеля и Крестника ко святому Крещению, а вместо его изволили представить положенным образом достопочтенного Георга барона фон Клебенштайн...»

Вставка на полях указывало имя, данное младенцу. Роды были преждевременны, ребенок родился слабым, что предопределило спешные крестины: тесть был поставлен лишь перед фактом уже свершившегося обряда через своего представителя.

Видимо, позже составленная мемориальная тетрадь крестников дает иной перечень: Иоганн Казимир следует лишь седьмым, пропуская вперед женщин — родственников герцога. Причем против него поставлен крест — явный знак непосредственного участия, хотя черновые акты указывают на его представителя: HSTAST, G 87, Büschel 27 Verzeichniss der Gevatter und Gevatterinn bey Herrn Hertzog Eberhardt zu Wirttemberg mit dero beyden Frauen Gemahlin fürstlichen Kindtaufen von 1637 bis 1674 (без пагинации).

²⁸ HSTAST, G 87, Büschel 27... Так же: HSTAST A 21 Büschel 80 Fürstliche Geburthen und Tauffe 1615–1674. Verzeichniss der Gevattern bey Printz Carl Christoph christlicher Betauffung (без пагинации).

французскими войсками в Германии, главному защитнику обескровленного и разоренного Вюртемберга²⁹. Тем более, имя Людвиг уже фигурировало в семейной традиции. При крестинах шестого Карла Христофора (1650) вновь видим дуэт роли крестников и традиции. Карл Густав, пфальцграф Рейнский, будущий шведский король, числился во главе крестников и, видимо, дал свое имя наследнику. Впрочем, наряду с ним фигурировали еще два Карла — герцог Мекленбургский и маркграф Баденский³⁰.

Два последних сына, рожденных в первом браке, носили комбинацию имен, где вновь присутствовал Карл — Фридрих Карл (1652–1698) и Карл Максимилиан (1654–1689). В первом случае запрашивается имя первого крестника короля Фридриха IV Датского и курфюрста Карла Людвиг Пфальцкого, также бывшего среди крестников. В 1654 г. фигурировали те же крестники, с той разницей, что пфальцграф Карл Густав уже стал королем Швеции. К ним теперь, moreover, добавился еще один: Карл Казимир, курфюрст и архиепископ Трирский. Под именем Максимилиана присутствовал лишь один, но весьма именитый чин: курфюрст и архиепископ Кельна Максимилиан Фердинанд из баварских Виттельсбахов.

Первенец от второго брака с графиней Оттинген-Оттинген стал Георг Фридрих (1657–1685). В числе первых крестников значились курфюрст Саксонии Иоганн Георг II и курфюрст Бранденбургский — знаменитый в прусской истории Фридрих Вильгельм³¹. Альбрехт Христиан (1660–1663) знаменовал

²⁹ HSTAST A 21 Büschel 79 Acta des Erbprintzen Wilhelm Ludwigs Geburth und der Taufe (без пагинации). Первыми в списке следовали курфюрст Фридрих Вильгельм и принц Людовик Конде, герцог Энгиенский; В списке из мемориальной тетради на первом месте стоит вдова Густава Адольфа Шведского Мария Элеонора, «урожденная курфюрстина Бранденбургская». Ее имя также отмечено крестом, как, очевидно, присутствовавшую на церемонии, в отличие от Фридриха Вильгельма и Конде: HSTAST, G 87, Büschel 27 Verzeichniss der Gevatter und Gevatterinn bey Herrn Hertzog Eberhardt zu Wirttemberg mit dero beyden Frauen Gemahlin fürstlichen Kindtauffen von 1637 bis 1674.

³⁰ HSTAST A 21 Büschel 80 Fürstliche Geburthen und Tauffe 1615–1674. Verzeichniss der Gevattern und Abgesandten bey der fürstlichen Kindtauff 1652 (без пагинации); HSTAST, G 87, Büschel 27 Verzeichniss der Gevatter und Gevatterinn bey Herrn Hertzog Eberhardt zu Württemberg mit dero beyden Frauen Gemahlin fürstlichen Kindtauffen von 1637 bis 1674 (без пагинации).

³¹ HSTAST A 21 Büschel 80...

совершенно новые имена в истории Дома. Но искать разгадку вновь следует в перечне крестников: мы встречаем целых три Альбрехта — маркграфа Бранденбург-Ансбахского, герцога Баварии и одного родственника матери из графов Оттинген. Еще двое были Христианами: герцог Мекленбургский и маркграф Байройтский Христиан Эрнст³². Среди последних детей лишь Иоганн Фридрих (1669–1693), Эбергард и Эбергард Эммануэль (последний наследник, родившийся уже по смерти отца) отражали семейную традицию, причем во втором случае мы видим весьма прозрачный библейский акцент: Эммануэль, т. е. «сущий с Богом», лишенный земного отца³³. Людвиг (1661–1698) вроде бы носил имя, известное в роду с XVI в., но список крестников дает лаконичный и поразительный ответ: первым номером значился король Франции Людовик XIV! Иных Людовиков во внушительном регистре не было³⁴. Иоахим Эрнст (1662–1663) мог быть назван в память уже покойного деда — отца второй супруги герцога Эбергарда, но в числе крестников фигурировали под вторым и третьими номерами герцог Эрнст Август Брауншвейгский, он же епископ Оснабрюка, а также Иоахим Эрнст герцог Голштинский. Филипп Зигмунд (1663–1669) имел воистину роскошный каталог крестников: собственно короля Испании Филиппа IV, епископа Бамбергского Филиппа и князя Филиппа из ветви Цоллерн-Хохберг. Имя Зигмунд, также как и Филипп, впервые тогда вошедшее в родовой регистр, имело австрийскую природу: крестником числился Зигмунд Франц, эрцгерцог Австрийский³⁵. Перед нами — настоящий триумф династии. Теперь наряду с баварскими Виттельсбахами и скандинавскими королевскими Домами свойство устанавливалось с обеими ветвями Габсбургов, даже с Мадридом. Воистину крестины служили инструментом легитимации исключительного размаха!

³² HSTAST A 21 Büschel 80...

³³ Впрочем, среди крестников Иоганна Фридриха было немало носителей двух этих имен, хотя и не под первыми номерами: Иоганн Адольф из альбертинских Веттинов, Фридрих, старший принц готской ветви Эрнестинов, Фридрих Магнус, маркграф Баден-Дурлах, Иоганн Георг, князь Ангальтский (4–7 по списку). Аналогичный список вложен в тетрадь отдельным листом (HSTAST A 21 Büschel 80...)

³⁴ HSTAST A 21 Büschel 80...

³⁵ Krauß R. Die männlichen Vornamen... S. 372.

Карл Фердинанд (1667–1668) также был обязан своими именами двум первым крестникам, королю Швеции Карлу XI и курфюрсту Баварии Фердинанду Марии³⁶.

Крестины наследников Эбергарда, пожалуй, ярче всего отражали династическую стратегию после лихолетья Тридцатилетней войны. Пережив пик падения, испив до дна чашу горького унижения и изгнания, получив, наконец, совершенно разоренную землю, Эбергард делал все возможное, дабы исправить подпорченную репутацию. Мы видим своеобразные этапы «реванша». Начиная герцог скромно, собрав в 1636 г. всех, кого мог, в Страсбурге. А дальше последовал рывок, стремительно расширявшийся круг свойства. Быть хозяином испепеленной земли, горсти уцелевших подданных, но иметь крестниками своих детей короля Франции, Испании, Швеции и ближайших родственников самого императора!

Младший брат Эбергарда III Фридрих, основатель Нойенштадской линии, был наделен в супружестве с герцогиней Брауншвейг-Вольфенбюттель Кларой Августой восемью сыновьями. То были Фридрих Август (1654–1716), Ульрих (1655), Эбергард (1656), Альбрехт (1657–1670), Фердинанд Вильгельм (1659–1701), Антон Ульрих (1661–1680), Христофор (1666) и Карл Рудольф (1667–1742). Трое из них крещены были именами по семейной традиции. Первенец получил двойное имя в память о предках (Фридрих) и деде по линии матери (Август, герцог Брауншвейг-Вольфенбюттель), бывшем непосредственным крестником младенца³⁷. Появление Альбрехта следовало в унисон с рождением еще одного Альбрехта в семье старшего брата. Вероятно, здесь были одни и те же крестники (маркграф Бранденбург-Ансбахский и герцог Баварии). Фердинанд Вильгельм, по мнению Р. Крауза, крещен был именем брата матери, Фердинанда Альбрехта герцога Брауншвейг-Беферн, бывшего крестником самого новорожденного³⁸. Новые имена Антон и Рудольф, появившиеся в этом поколении, были даны исключительно крестниками, в том числе герцогом Антоном Ульрихом Брауншвейг-Вольфенбюттельским, дядей матери.

³⁶ HSTAST, G 87, Büschel 27 Verzeichniss ...

³⁷ HSTAST, G 87, Büschel 27 Verzeichniss ...

³⁸ Krauß R. Die männlichen Vornamen... S. 374.

Двоюродный брат Фридриха и Эбергарда Георг (1626–1699) из Мемпельгардской линии имел в браке с графиней Анной Колиньи троих сыновей: Отто Фридриха (1650–1653), Конрада Людвига (1658–1659) и Леопольда Эбергарда (1670–1723). Совершенно новое для Вюртембергского Дома имя Отто трудно объяснить собственно домашней традицией, вероятно, дано было одним из неизвестных крестников. Два же других наследника носили на тот момент уже привычную комбинацию имен. Леопольд Эбергард, скорее всего, был назван в честь покойного дяди, хотя нельзя исключать и влияние Габсбургов.

Вайтлингенская линия в этом поколении дала пять наследников в браке Сильвия Нимрода (Карл Фердинанд (1650–1668/1669), Сильвий II Фридрих (1651–1697), Христиан Ульрих I (1652–1704) и еще один Сильвий (1660), и трое сыновей у Манфреда I в браке с Юлианой, графиней Ольденбургской (Фридрих Фердинанд (1654–1705), Август (1656–1689) и Манфред (1658–1688)). Роль крестников здесь очевидна, видимо, в четырех случаях. Брак Сильвия Нимрода на наследнице богемского княжества Мюнстерберг-Ольс, дочери герцога Карла Фридриха объясняет имя первенца. Вполне возможно, свою роль сыграл и император. То было первое появление этого имени в истории рода. Август же был крещен, скорее всего, герцогом Брауншвейг-Вольфенбюттельским.

Итак, мы имеем дело с весьма любопытными сдвигами. Из 37 отпрысков по мужской линии, в 14 случаях мы регистрируем только имена крестников. Еще семье имен являли комбинацию имен крестников и династической традиции. Девять имен, хотя и с некоторой натяжкой в отдельных случаях (Людвиг, сын Эбергарда от второго брака), следует отнести к династической и семейной традиции (имена идентичны именам родителей и предков в разных коленах). Одно имя — Эбергард Эммануэль, видимо, также следовало отнести к этому разряду с библейской «поправкой». В трех случаях мы фиксируем имена родителей по линии матери, в остальных — комбинацию династических имен по отцовской и материнской линии. Здесь явно доминировал удельный вес имен крестников. Наряду с этим резко возрастает группа новых имен. Появляются Леопольды, Фердинанды, Карлы, вновь Максимилианы, Альбрехты, Христианы,

ВЫПУСК III

Филиппы, Зигмунды, Иоахимы. Большинство из них указывало на имена крестников и соответственно выдавало династические предпочтения. Напротив, идет на убыль ренессансная, чисто произвольная традиция, особенно сильно представленная в Вейтлингенской ветви. Ситуация словно бы возвращается к привычной модели прошлого, но в блеске династической легитимации.

БЮРТЕМБЕРГ: ПРАВНУКИ ГЕРЦОГА ФРИДРИХА I

<i>Общее число номинантов</i>	37
<i>Имена крестников в % от общего числа номинантов</i>	38
<i>Имена из династической традиции в % от общего числа номинантов</i>	24
<i>Комбинация имен крестников и традиции в % от общего числа номинантов</i>	19
<i>Прочие имена в % к общему числу номинантов</i>	-
<i>Комбинации с участием прочих имен в % к общему числу номинантов</i>	-

Переходим к дрезденским Веттинам. Анна Датская, дочь короля Христиана III, подарила своему супругу знаменитому курфюрсту Августу, создателю и защитнику лютеранской церкви, 9 наследников. В хронологической последовательности мы видим Иоганна Генриха (1550), Александра (1554–1565), Магнуса (1555–1558), Иоахима (1557), Гектора (1558–1560), Христиана (1563–1591), Августа (1569–1570), Адольфа (1570–1572), Фридриха (1575–1577). Первый принц обладал двойным именем, хранившим память деда, отца Реформации в альбертинской Саксонии Генриха Благочестивого и, возможно, курфюрста Иоганна Постоянного, отличившегося на ниве стойкости в вере в эрнестинских землях. Здесь явно проглядывал династический принцип. Второй получил, судя по всему, совершенно произвольное имя, ибо оно не встречалось среди крестников младенца и отсутствовало в династической истории. Скорей всего, отец возжелал в духе почтения героического прошлого вспомнить имя великого Македонского царя — обстоятельство, указывавшее не только на амбиции Веттина, но и на некий ренессансный след в его духовном мире. Возможно, отец находил приятное созвучие с собственным именем подобно тому, как позже будут поступать

уже упомянутые вюртембергские властители. Трудно разгадать значение имени третьего наследника Магнуса. Разумеется, оно вполне стройно выглядело в ряду героических имен отца и брата, но нельзя исключать родственный след, воспоминания о предках, в данном случае по линии матери — в память о деде Августа герцога Магнуса. Хотя еще более возможной представляется версия с братом матери Магнусом Голштинским, несчастным королем Ливонии. В списке крестников у Антона Века мы, впрочем, встречаем Эрнестина Иоганна Фридриха Среднего, Фридриха Младшего, герцога Брауншвейгского и маркграфа Иоганна Георга Бранденбургского³⁹. Но мы знаем, насколько тесно Август был связан с Данией — и религиозными, и династическими, и имперско-балтийскими делами.

Появление Иоахима и Гектора совершенно определенно выдавало крестника. Курфюрст Иоахим II Гектор Бранденбургский, близкий друг и сосед саксонского курфюрста, дал свое имя и династическое прозвище обеим родственникам. Зато крещение шестого сына Христиана обозначило чисто семейный фактор. Главным действующим лицом на крестинах была вдова датского короля Христиана III, деда новорожденного по материнской линии⁴⁰.

Что побудило назвать следующего отпрыска именем отца, сказать трудно. Во всяком случае, среди крестников не было ни одного, кто бы мог считаться донатором имени (пфальцграф Иоганн Казимиры и Генрих, герцог Лигницкий)⁴¹.

³⁹ Weck A. Der Chur-Fürstlichen Sächsischen weitberuffenen Residentz- und Haupt-Stadt Dresden Beschreibung und Darstellung. Nürnberg, 1680. S. 324.

⁴⁰ Свидетельство пастора Иоганна Зальмута: Salmuth J. Vom Christlichen abschied des ... Herrn CHRISTIAN, Hertzogen zu Sachsen des Heiligen Römischen Reichs Ertzmarschaln vnd Churfuersten... Heidelberg, 1595. S. 58; Весьма любопытное признание мы обнаруживаем в рассуждениях Поликарпа Лейзера, духовника курфюршеской семьи. Оно очень хорошо выдает не только истинную причину выбора, но и дилемму имени как продукта династической традиции и духовного смысла: «... Они (т. е. родители. — А. П.) решили назвать его при крещении Христиан, без сомнения, из благочестивых христианских суждений: не только из того, что он должен был называться по имени прадеда короля Датского Христиана, но и потому что, как обычно говорят, имя заключает в себе дело» (Leyser P. Kurtzer aber warhaffter gruendlicher bericht Von dem Christlichen leben vñ seligen abschied desz ... Herrn CHRISTIANI, weyland Hertzogen zu Sachsen ... Churfuersten ... Dresden, 1595 (без пагинации).

⁴¹ Weck A. Beschreibung ... S. 325.

ВЫПУСК III

Крестины Адольфа и Фридриха, двух последних сыновей курфюрста прошли под знаком преобладания северного датского или датско-балтийского вектора. Причем Фридрих был назван явно в честь правящего короля Дании Фридриха II. Видимо, он же числился и крестником младенца.

Из девяти имен шесть были совершенно новыми в истории Веттинов: Иоахим, Христиан, Александр, Гектор, Адольф, Магнус. Из них, однако, лишь одно (Александр) можно было бы отнести к разряду произвольно выбранных, никак не связанных с крестниками и традициями породненных семейств. Разумеется, здесь заметен некий элемент ренессансной героизации, схожий с чуть позже явленным в семье вюртембергских герцогов. Прочие пять были даны, скорее всего, крестниками или в память о предках породненного датского семейства. Три оставшихся — Иоганн Генрих, Август, Фридрих, хотя и были обычными для семьи, но вновь несли заметную печать крестников (Иоганн Фридрих Средний, Фридрих II Датский). Лишь имя Августа и Генриха указывало на отца и деда. С лютеранско-библейской традицией соотносить представленный каталог весьма сложно, поскольку выглядит он совершенно нейтральным, никак не связанным с конкретной религиозной составляющей. Скорее можно говорить о стремлении курфюрста Августа через крестильные имена заявить о близости с дружественным и единоверным скандинавским севером⁴².

КУРФЮРШЕСТВО САКСОНИЯ: ДЕТИ КУРФЮРСТА АВГУСТА I

<i>Общее число номинантов</i>	9
<i>Имена крестников в % от общего числа номинантов</i>	56
<i>Имена из династической традиции в % от общего числа номинантов</i>	11
<i>Комбинация имен крестников и традиции в % от общего числа номинантов</i>	11
<i>Прочие имена в % к общему числу номинантов</i>	222
<i>Комбинации с участием прочих имен в % к общему числу номинантов</i>	-

⁴² Подробней о династических связях дрезденских Веттинов тех лет см.: Прокопьев А. Ю. Иоганн Георг I (1585–1656), курфюрст Саксонии: власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011.

Единственный наследник курфюрста, его третий сын Христиан волею судьбы оказался единственным продолжателем рода. Избранницей его стала дочь бранденбургского курфюрста София. Она родила ему трех сыновей: еще одного Христиана (1583–1611), Иоганна Георга (1585–1656) и Августа (1588–1616). Первенцу дали имя в память о деде по линии бабки, т. е. все того же Христиана III Датского. Иоганн Георг в свою очередь получил имя первого крестника — отца матери курфюрста Бранденбургского⁴³. Лишь третий, Август, был назван в память о недавно почившем деде. Список крестников совершенно исключал какое-либо заимствование⁴⁴.

КУРФЮРШЕСТВО САКСОНИЯ: ВНУКИ КУРФЮРСТА АВГУСТА I

<i>Общее число номинантов</i>	3
<i>Имена крестников в % от общего числа номинантов</i>	33
<i>Имена из династической традиции в % от общего числа номинантов</i>	67
<i>Комбинация имен крестников и традиции в % от общего числа номинантов</i>	-
<i>Прочие имена в % к общему числу номинантов</i>	-
<i>Комбинации с участием прочих имен в % к общему числу номинантов</i>	-

Среди родившихся лишь одному Иоганну Георгу суждено было продолжить род. Все наследники его родились во втором браке с Магдаленой Сибилой, дочерью герцога Прусского и маркграфа Бранденбургского Альбрехта Фридриха. Ими стали рано умерший Христиан Альбрехт (1612), Иоганн Георг (1613–1680), Август (1614–1680), Христиан (1615–1691), Мориц (1619–1681), Генрих (1622). Долгожданный первенец, крещеный двумя именами, для нас представляет настоящий ребус, несмотря на дошедший до нас список крестников. Напрашивается сразу несколько мемориальных вариантов: память о его родном дяде, курфюрсте Христиане I, скончавшемся

⁴³ Об этом же говорит его надгробная проповедь: Weller J. Chur-sächsische Ehren-Trauer-Crone (†Johann Georg I von Sachsen). Dresden, 1657. S. 225.

⁴⁴ У А.В ека мы встречаем деда Иоганна Георга Бранденбургского, маркграфа Георга Фридриха Бранденбург-Анасбахского, герцога Христиана Голштинского, пфальцграфа Карла и герцога Иоганна Саксен-Веймарского (Weck A. Beschreibung... S. 327).

за год до его рождения, память о деде Христиане I, наконец, чествование деда по материнской линии герцога Прусского Альбрехта Фридриха. Хватало и именитых крестников: среди них, правда, под пятым номером значился администратор архиепископства Магдебург Христиан Вильгельм, а под одиннадцатым — герцог Голштинский Альбрехт. Остановимся все же на семейных обстоятельствах: четвертой в списке крестников, т. е. ступенью выше бранденбургского администратора стояла вдова покойного курфюрста Христиана II Хедвига. Первым же шел курфюрст Бранденбургский Иоганн Сигизмунд, чьим близким родственником был и дед новорожденного⁴⁵. Болезнь к тому времени окончательно сделала его неспособным к правлению, за него как куратор управление вел курфюрст и, видимо, он же представлял здесь и персону деда. В этом случае все объясняется семейно-родовым фактором.

Крестины второго сына, как и первого, прошли при явном доминировании бранденбургской родни. Первой крестницей числилась бабка младенца и мать его отца вдова София, урожденная маркграфиня Бранденбургская. Ниже следовал сам курфюрст Бранденбургский Иоганн Сигизмунд. Ребенка наделили именем прадеда по линии баки, тождественном имени отца. Кроме того, имя Иоганн было еще у одного крестника Иоганна Эрнста, герцога Саксен-Веймарского, из эрнестинской ветви Веттинов. Династическую традицию стоит выдвинуть здесь на первое место, тем более, что в своей поминальной речи пастор Мартин Гайер в 1680 г. прямо указывал на память об отце и прадеде как на главный мотив выбора⁴⁶.

Родившийся в 1614 г. Август, будущий администратор архиепископства Магдебург, был явно крещен в память о прадеде: длинный список крестников, сплошь состоявший из датской, бранденбургской, эрнестинской и вюртембергской родни, исключал всякие иные мотивы. Не было в нем и родного дяди Августа, которого, впрочем, как уже мы отмечали, также крестили в память о знаменитом курфюрсте.

⁴⁵ Weck A. Beschreibung. S. 329.

⁴⁶ Geier M. Sursum Deorsum (†Johann Georg II von Sachsen). Dresden, 1680. S. 85.

Христиан, родившийся в 1615 г. и крещеный на Троицу, в свою очередь, получил имя главного крестника короля Датского Христиана IV. Имя пятого наследника в высшей степени показательно. Мориц был назван в память о прадеде по отцовской линии, получившим в далеком 1547 г. курфюршеские регалии. Об этом вновь прямо говорилось в надгробной проповеди на его кончину⁴⁷. Сам же предок, однако, крещен был в честь св. Маврикия по католической традиции. Дать династическому прошлому перевесила всякие религиозные сомнения в 1619 г.! В стороне оказались и крестники: внушительный регистр никак не соответствовал избранному имени. Наконец, в 1622 г. явившийся в мир и вскоре его покинувший маленький Генрих также был крещен именем не менее известного предка: Генриха Благочестивого, открывшего двери перед св. Евангелием в его родной альбертинской Саксонии. Иные варианты здесь также исключены: каталог крестников никак с ним не связан, равно как и династическая традиция супруги отца.

КУРФЮРШЕСТВО САКСОНИЯ: ПРАВНУКИ КУРФЮРСТА АВГУСТА I

<i>Общее число номинантов</i>	5
<i>Имена крестников в % от общего числа номинантов</i>	20
<i>Имена из династической традиции в % от общего числа номинантов</i>	80
<i>Комбинация имен крестников и традиции в % от общего числа номинантов</i>	-
<i>Прочие имена в % к общему числу номинантов</i>	-
<i>Комбинации с участием прочих имен в % к общему числу номинантов</i>	-

Переходим к последнему интересующему нас поколению. В 1647 г. в день памяти Марии Магдалины супруга будущего курфюрста Иоганна Георга II родила на свет единственного наследника курфюршеских регалий. Главными крестниками выступали сам император Фердинанд III и дед новорожденного. Его именем младенец и был крещен: Иоганн Георг.

⁴⁷ Ludwig M. Chr. Christlicher Fürstlichen Fürst-Löblichste Gedanken (†Moritz von Sachsen-Zeitz). Zeitz, 1682. S. 47.

Более плодовитыми оказались младшие братья Иоганна Георга II. Август, администратор Магдебургского архиепископства, имел от двух браков с герцогиней Анной Марией Мекленбург-Шверин и Иоанной Вальпургией, графиней Лейнинген-Вестербург семь наследников: Иоганн Адольф I (1649–1697), Август (1650–1674), Христиан (1652–1689), Генрих (1657–1728), Альбрехт (1659–1692), Фридриха (1673–1715) и Морица (1674–1695).

Иоганн Адольф был крещен в честь отца матери герцога Адольфа Фридриха Мекленбургского и родного деда, все того же Иоганна Георга I. Август продлил почтенную династическую традицию своего имени. У Христиана был одноименный крестник, родной дядя, хозяин мерезебургского удела. Альбрехт, видимо, был крещен в честь голштинских родственников, точнее герцога Христиана Альбрехта Шлезвиг-Готторпского, своего двоюродного брата. Генрих получил имя, судя по всему, в память о предке Генрихе Благочестивом. Фридрих, скорей всего, испытал влияние голштинских или даже по датских крестников (король Фридрих III). Мориц — от родного дяди, бывшего, вероятно, и крестником принца.

Христиан, получивший по отцовскому завещанию в 1653 г. Мерзебургский удел, обзавелся 6 сыновьями. Иоганн Георг, родившийся в 1652 г. в Дрездене, был крещен самим дедом, от которого и унаследовал имя⁴⁸. Христиан II (1653–1694) и Август (1655–1715) получили имена, видимо, по крестникам, родным дядьям по отцовской и материнской линии. У Филиппа (1657–1695) крестником был дед по линии матери (Филипп, герцог Шлезвиг-Голштейн-Зондербург). Генрих (1661–1738) и Мориц (1662–1664) получили свои имена один, видимо, в память прародителя Реформации в маркграфстве Майссен, другой — в честь крестника, вновь родного дяди.

Столько же сыновей было у Морица, самого младшего из братьев, владельца Наумбургского удела, от двух браков. Первых двоих — Иоганна Филиппа (1651–1652) и Морица (1652–1653) — родила родная сестра супруги его старшего брата Христиана София Хедвига, дочь Голштинского герцога Филиппа. Оба были крещены в Дрездене, первый получил имена

⁴⁸ Список крестников: Weck A. Beschreibung... S. 336.

двух крестников — деда по отцовской и материнской линии⁴⁹. Второй Мориц, видимо, был крещен в память о знаменитом предке курфюрсте Морице. Во втором браке с дочерью герцога Веймарского появились Мориц Вильгельм (1664–1718), Иоганн Георг (1665–1666), Христиан Август (1666–1725) и Фридрих Генрих (1668–1713). Первый получил, видимо, мемориальную комбинацию имен: в память курфюрста-предка и деда по материнской линии. Крестниками вторых и третьих были родные дяди — курфюрст и герцоги Саксен-Вайссенфельс и Саксен-Мерзебург. Последний же был наречен, вероятно, именем неизвестного нам крестника из Бранденбургской родни (возможно, курфюрста) и в память упомянутого выше Генриха Благочестивого.

Из 20 отпрысков этого послевоенного поколения 12 получили имена крестников, причем исключительно из числа родни по отцовской и материнской линии. Еще в двух случаях крестники присутствовали в одном из имен (Мориц Вильгельм и Фридрих Генрих). Четыре номинанта носили имена из династической традиции и еще в двух случаях (Мориц Вильгельм и Фридрих Генрих) образовывали одно из двух имен. Появление новых имен (Филипп, Адольф) и нечасто встречавшихся ранее (Альбрехт, Вильгельм) следовало по линии династического родства через крестников или династическую меморию. Во всех этих связях очень хорошо наблюдаются ориентиры на балтийские герцогства, датский королевский Дом и Эрнестинов. При всей близости Габсбургам дрезденские Веттины не заимствовали ни одного имени из привычного каталога католических властителей. Лучший пример дан в 1647 г.: хотя Фердинанд III и числился крестником наследного принца, тот получил имя своего деда.

Но вновь видна расплывчатость конфессиональных ориентиров. Весь каталог имен, так или иначе, соответствовал лютеранским воззрениям, вопрос лишь в том, что все они присутствовали в традиции породненных семейств задолго до Реформации. И там, где речь шла только о династической мемории, не боялись давать имя предка, названного в честь католического святого. Заслуги перед родом перевешивали конфессиональную брезгливость. Пример многочисленных Морицей очень хорошо показывает тенденцию.

⁴⁹ Список крестников: Weck A. Beschreibung... S. 337.

**КУРФЮРШЕСТВО САКСОНИЯ: ПРАПРАВНУКИ
КУРФЮРСТА АВГУСТА I**

<i>Общее число номинантов</i>	20
<i>Имена крестников в % от общего числа номинантов</i>	60
<i>Имена из династической традиции в % от общего числа номинантов</i>	20
<i>Комбинация имен крестников и традиции в % от общего числа номинантов</i>	10
<i>Прочие имена в % к общему числу номинантов</i>	-
<i>Комбинации с участием прочих имен в % к общему числу номинантов</i>	-

Мы заканчиваем небольшое путешествие в мир мужских имен двух ведущих лютеранских династий Германии. Для Вюртемберга в целом было характерное преобладание в первых двух поколениях (примерно до середины XVII в.) имен из области семейно-династической традиции. Кроме того, резко выделялась доля произвольных имен, носивший оттенок ренессансного и старонемецкого духа. Особенно в этом преуспела Вейтлингенская ветвь. Все потомство Юлиа Фридриха получило, в сущности, уникальные имена, восходившие, однако, к наклонностям деда Фридриха I. Перелом произошел в третьем послевоенном поколении. И мы видим, как тесно связан был он с династическим курсом Эбергарда III, мечтавшего вернуть былой авторитет своего разоренного княжества. Доля почетных, именитых и весьма влиятельных крестников начинает уверенно доминировать в семейном мире. И жертвой «нового курса» становятся конфессиональные ориентиры: в каталог имен стремительно вторгается католический мир: Фердинанды, Леопольды, Максимилианы, Альбрехты.

Саксонская модель выглядит несколько иначе. Память о крестниках уверенно лидирует в именах детей Августа I. Потом происходит надлом, эпоха Иоганна Георга I привносит влияние семейно-династического прошлого, оно доминирует у старшей ветви альбертинских Веттинов и позже. Имя Иоганна Георга, однажды появившееся благодаря бранденбургскому крестнику, станет весьма распространенным. И немало тому будет способствовать память о первом его носителе, как прародители, последующих поколений альбертинской ветви. Еще раз вспомним

крестины 1647 г.: император Фердинанд III, будучи первым крестником принца, не сможет дать ему свое имя. Но младшие ветви в послевоенном поколении предпочтут имена крестников. Они явно преобладали в семьях трех удельных князей Альбертинов.

Обе модели, Вюртемберг и Саксония, все же имели много общего. Конец XVI в. привнес сквозь плотную завесу лютеранской ортодоксии общие наклонности. И Фридрих I и курфюрст Август были явно падки на ренессансную моду в именах. Для Саксонии объяснение лежало в резко возросшем авторитете дрезденских курфюрстов, в их влиянии на корону. Дуэт Августа-отца и Александра-сына виделся, очевидно, мечтой знаменитого курфюрста. Спустя два поколения традиция эта заметно сократится в объеме, хотя и не исчезнет вовсе: останется имя Августа в боковых ветвях курфюршеского Дома, став элементом династической мемории, и продолжится в Вейтлингенской ветви вюртембергских властителей. Столь же показательным будет возросшая доля имен крестников с середины XVII в. Если дрезденские курфюрсты являли здесь совершенную самодостаточность, опираясь на семейно-династический фундамент, то семьи боковых ветвей повторяли вюртембергский вариант. Разница была лишь в том, что Эбергард III собирал крестников со всех концов Империи и Европы, а Веттины предпочитали искать их на севере, в Дании, балтийских герцогствах и Бранденбурге, следуя почти вековой дорогой. Но и тут и там новые имена, появившиеся тогда, очень хорошо показывали сугубо династические интересы.

И что же с конфессиональными признаками? Подавляющее большинство имен выглядели совершенно нейтральными, безотносительными к вере самих государей. Лютер призывал покончить с практикой крестин в честь старых святых в пользу библейского и старогерманского начала. Но для его ревнителей из сословной элиты подобный вопрос едва ли был актуален. Напротив, заметный приток новых имен из католических Домов, особенно явный в истории Вюртемберга, или упорное воспроизводство имени Морица у Веттинов выдавали исключительно семейно-родовое начало, династические интересы. И если считали античность предметом, достойным семейного подражания, то смело давали имена даже языческих правителей.

И как бы ни хотелось видеть эпоху переломной, трудно это сделать, штудирюя ономастику имперской знати. Скорее имена выступали все еще знаком семейно-родового сознания и мериллом династического курса. Мощные корни семейных традиций и династических интересов успешно проросли в новых условиях, преодолевая конфессиональные барьеры.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Автор: Прокопьев Андрей Юрьевич, д. и. н., профессор, Институт Истории, Санкт-Петербургский Государственный университет (Санкт-Петербург)

Электронная почта: prokoriev65@mail.ru

Заголовок: Конфессия и имя: мужские имена немецкой протестантской знати в XVI–XVII вв.

Аннотация: В статье рассматривается выборка имен у властной элиты XVI–XVII вв. с целью уточнить степень влияния конфессионального фактора в имянарекении. Автор сосредотачивает внимание на мужских именах вюртембергских властителей и дрезденских Веттинов, ограничиваясь периодом после Аугсбургского мира до окончания Тридцатилетней войны. В исследовании привлечен широкий пласт архивных материалов и, в частности, надгробные проповеди. Автор приходит к выводу, что подавляющее большинство имен были нейтральными, безотносительными к вере самих государей. Лютер призывал покончить с практикой крестин в честь старых святых в пользу библейского и старогерманского начала. Но для его ревнителей из сословной элиты подобный вопрос едва ли был актуален — имена отражали исключительно семейно-родовое начало и династические интересы.

Ключевые слова: конфессия, Реформация, Веттины, Вюртемберг, Лютер, имянарекение

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Die Herrscher Sachsens. Markgrafen, Kurfürsten, Könige 1089–1918 / Hrsg. von F.-L. Kroll. — München: Beck, 2007. — 377 s.
2. 900 Jahre Haus Württemberg. Leben und Leistung für Land und Volk / Hrsg. von R. Umland. — Stuttgart: Kohlhammer, 1984. — 791 s.
3. Balbach A.M. Jacob, Johann oder Josef? Frühneuzeitliche Vornamen im Streit der Konfessionen // Konfession und Sprache in der Frühen Neuzeit.

Interdisziplinäre Perspektive / Hrsg. von J. Macha, A. M. Balbach, S. Horstkamp. Münster: Waxmann, 2012. S. 11–30.

4. Blaschke K. Der Fürstenzug zu Dresden. Denkmal und Geschichte des Hauses Wettin. — Leipzig; Wien; Berlin: Urania-Verl., 1991. — 224 s.

5. Das Haus Württemberg. Ein biographisches Lexicon / Hrsg. von S. Lorenz, D. Mertens, V. Press. — Stuttgart; Berlin; Köln: Kohlhammer, 1997. — 502 s.

6. Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen / Hrsg. von H. Jung-hans. — Leipzig: Evang. Verl.-Anst., 2005. — 288 s.

7. Europäische Stammtafel. Stammtafel zur Geschichte der europäischen Staaten. Neue Folge / Hrsg. von D. Schwennicke. Bd. 1. — Varburg: Klostermann, 1985. — 174 tabel.

8. Gross R. Die Wettiner. — Stuttgart: Kohlhammer, 2007. — 321 s.

9. Kleinöder R. Konfessionelle Namengebung in der Oberpfalz von der Reformation bis zur Gegenwart. — Frankfurt am Main; Wien [u.a.]: Lang, 1996. — 533 s.

10. Krauß R. Die männlichen Vornamen Im Hause Württemberg // Württembergische Vierteljahrshefte für Landesgeschichte. Neue Folge. Jahrgang 25. Stuttgart: Kohlhammer, 1916. S. 291–332.

11. Marquardt E., Eschenburg Th. Geschichte Württembergs. — Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 1985. — 428 s.

12. Mitterauer M. Ahnen und Heilige. Namensgebung in der europäischen Geschichte. — München: Beck, 1993. — 516 s.

13. Posse O. Die Wettiner. Genealogie des Gesamthauses Wettin Ernestinischer und Albertinischer Linie. — Leipzig: Zentralantiquariat Leipzig, 1994. — 155 s.

14. Raff G. Hie gut Wirtemberg allwege. Bd. 2: Das Haus Württemberg von Herzog Friedrich I. bis Herzog Eberhard III. — Stuttgart: Degerloh, 1993. — 823 s.

15. Raff G. Hie gut Wirtemberg allwege. Bd. 3: Das Haus Württemberg von Herzog Wilhelm Ludwig bis Herzog Friedrich Karl. Mit den Linien Stuttgart, Winnental, Neuenstadt am Kocher, Neuenbürg, Mömpelgard und Oels, Bernstadt und Juliusburg in Schlesien und Weiltigen. — Stuttgart: Degerloh, 2002. — 901 s.

16. Rolker Chr. Patenschaft und Namengebung im späten Mittelalter // Konkurrierende Zugehörigkeit (en). Praktik der Namengebung im europäischen Vergleich / Hrsg. von Chr. Rolker, G. Signori. Konstanz: UVK, 2012. S. 17–37.

17. Sachsen und seine Sekundogenituren. Die Nebenlinien Weißenfels, Merseburg und Zeitz (1657–1746) / Hrsg. von M. Schattkowsky, V. Wilde. — Leipzig: Leipziger Uni-Vlg, 2010. — 343 s.

18. Sächsische Biographie — das personengeschichtliche Lexicon zur Geschichte Sachsens / Hrsg. von Institut für Sächsische Geschichte und Volkskunde, URL: <http://www.isgv.de/> (дата обращения: 10.09.2014).

19. Sauer P. Herzog Friedrich I. von Württemberg 1577–1609. Ungezügelter Reformier und weltgewandter Autokrat. — München: Verlags Anstalt, 2003. — 252 s.

20. Smolinsky H. Albertinisches Sachsen // Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung / Hrsg. von A. Schindling. Bd. 2. Münster: Aschendorff, 1990. S. 9–33.

21. Weller K., Weller A. Württembergische Geschichte im südwestdeutschen Raum. — Stuttgart: Theiss, 1972. — 400 s.

22. Прокопьев А. Ю. Иоганн Георг I (1585–1656), курфюрст Саксонии: власть и элита в конфессиональной Германии. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2011. — 820 с.

Hauptstaatsarchiv Stuttgart

G 59 Büschel 11 Korrespondenzen

G 88, Büschel 1 Acten des gnädigen Fürsten und Herren, Herrn Eberhard, Hertzog zu Württemberg Verheyrationg, Hochzeit und Kindtaufs Sachen betreffend de Annis 1636, 37, 38

G 87, Büschel 27 Verzeichniss der Gevatter und Gevatterinn bey Herrn Hertzog Eberhardt zu Wirttemberg mit dero beyden Frauen Gemahlin fürstlichen Kindtaufen von 1637 bis 1674

21 Büschel 79 Acta des Erbprinzen Wilhelm Ludwigs Geburth und der Taufe

21 Büschel 80 Fürstliche Geburthen und Tauffe 1615–1674. Verzeichniss der Gevattern bey Printz Carl Christoph christlicher Betauffung

21 Büschel 80 Fürstliche Geburthen und Tauffe 1615–1674. Verzeichniss der Gevattern und Abgesandten bey der fürstlichen Kindtauff 1652

J 67 Leichenreden

DATA ON THE ARTICLE

Author: Prokopiev Andrey Yur'evich, PhD, professor, Institute of History, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: prokopiev65@mail.ru

Title: Confession and name: male names of German Protestant nobility in the 16–17th centuries

Abstract: The article deals with names given the 16–17th centuries ruling elite in order to study influence of the confessional and other factors on naming. The author focuses on the male names of Württemberg and Dresden rulers within period after the Augsburg Peace to the Thirty Years' War. Concerning house of Württemberg, offspring of Duke Friedrich I (1558–1608) up to the children of the Duke Eberhard III are studied. Saxon house of Wettin is limited to children of Elector August I and their offsprings up to the heirs of Johann

Georg II. The study involves a wide amount of archival materials and, in particular, the funeral sermons, made by confessors. Author concludes that most names were absolutely neutral, regardless to the elite faith. Luther called to stop the practice of christening in honor of the old saints in favor to biblical and old German names, but for his adherents from elite social class this question was hardly relevant. In contrast, a significant influx of new names from Catholic houses, especially obvious in the history of Württemberg, or reproduction of Moritz-name in Wettin family, demonstrate that naming was influenced by dynastic interests. In spite the importance of confessional consciousness in the period, family roots and dynastic course were to overcome confessional limits.

Key words: confession, Reformation, the House of Wettin, the House of Württemberg, Luther, naming

REFERENCES

1. Balbach A. M. (2012) Jacob, Johann oder Josef? Frühneuzeitliche Vornamen im Streit der Konfessionen, *Konfession und Sprache in der Frühen Neuzeit. Interdisziplinäre Perspektive* (eds. J. Macha, A. M. Balbach, S. Horst-kamp), Münster: Waxmann, pp. 11–30.
2. Blaschke K. (199) *Der Fürstenzug zu Dresden. Denkmal und Geschichte des Hauses Wettin*, Leipzig–Wien–Berlin: Urania-Verl., 224 p.
3. Gross R. (2007) *Die Wettiner*. Stuttgart: Kohlhammer, 321 p.
4. Institut für Sächsische Geschichte und Volkskunde (2014) *Sächsische Biographie — das personengeschichtliche Lexicon zur Geschichte Sachsens*, URL: <http://www.isgv.de/> (10.09.2014).
5. Junghans H. (2005) *Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen*, Leipzig: Evang. Verl.-Anst., 288 p.
6. Kleinöder R. (1996) *Konfessionelle Namengebung in der Oberpfalz von der Reformation bis zur Gegenwart*, Frankfurt am Main–Wien: Lang, 533 p.
7. Krauß R. (1916) Die männlichen Vornamen Im Hause Württemberg, *Württembergische Vierteljahrshefte für Landesgeschichte. Neue Folge. Jahrgang 25*. Stuttgart: Kohlhammer, pp. 291–332.
8. Kroll F.-L. (2007) *Die Herrscher Sachsens. Markgrafen, Kurfürsten, Könige 1089–1918*, München: Beck, 377 p.
9. Lorenz S., Mertens D., Press V. (1997) *Das Haus Württemberg. Ein biographisches Lexicon*. Stuttgart–Berlin–Köln: Kohlhammer, 502 p.
10. Marquardt E., Eschenburg Th. (1985) *Geschichte Württembergs*, Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 428 p.
11. Mitterauer M. (1993) *Ahnen und Heilige. Namensgebung in der europäischen Geschichte*, München: Beck, 516 p.
12. Posse O. (1994) *Die Wettiner. Genealogie des Gesamthauses Wettin Ernestinischer und Albertinischer Linie*, Leipzig: Zentralantiquariat Leipzig, 155 p.
13. Prokopen A. Yu. (2010) *Iogann Georg I (1585–1656), kurfyurst Saksonii: vlast' i elita v konfessionalnoy Germanii* [Johann Georg I (1585–1656),

Electors of Saxony: the power and the elite in the confessional Germany], Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University, 820 p. (in Russian)

14. Raff G. (1993) *Hie gut Wirtemberg allwege*. Bd. 2: Das Haus Württemberg von Herzog Friedrich I. bis Herzog Eberhard III, Stuttgart: Degerloh, 823 p.

15. Raff G. (2002) *Hie gut Wirtemberg allwege*. Bd. 3: Das Haus Württemberg von Herzog Wilhelm Ludwig bis Herzog Friedrich Karl. Mit den Linien Stuttgart, Winnental, Neuenstadt am Kocher, Neuenbürg, Mömpelgard und Oels, Bernstadt und Juliusburg in Schlesien und Weitingen, Stuttgart: Degerloh, 901 p.

16. Rolker Chr. (2012) Patenschaft und Namengebung im späten Mittelalter, Konkurrierende Zugehörigkeit, *Praktik der Namengebung im europäischen Vergleich* (eds. Chr. Rolker, G. Signori), Konstanz: UVK, pp. 17–37.

17. Schattkowsky M., Wilde V. (2010) *Sachsen und seine Sekundogenituren. Die Nebenlinien Weißenfels, Merseburg und Zeitz (1657–1746)*, Leipzig: Leipziger Uni-Vlg, 343 p.

18. Sauer P. (2003) *Herzog Friedrich I. von Württemberg 1577–1609. Ungezügelter Reformator und weltgewandter Autokrat*, München: Verlagsanstalt, 252 p.

19. Smolinsky H. (1990) *Albertinisches Sachsen, Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung* (ed. A. Schindling), Münster: Aschendorff, vol. 2, pp. 9–33.

20. Schwennicke D. (1985) *Europäische Stammtafel. Stammtafel zur Geschichte der europäischen Staaten: Neue Folge*, Varburg: Klostermann, vol. 1, 174 tabel.

21. Uhland R. (1984) *900 Jahre Haus Württemberg. Leben und Leistung für Land und Volk*, Stuttgart: Kohlhammer, 791 p.

22. Weller K., Weller A. (1972) *Württembergische Geschichte im südwestdeutschen Raum*, Stuttgart: Theiss, 400 p.

Hauptstaatsarchiv Stuttgart

G 59 Bündel 11 Korrespondenzen

G 88, Bündel 1 Acten des gnädigen Fürsten und Herren, Herrn Eberhard, Herzog zu Württemberg Verheyration, Hochzeit und Kindtaufs Sachen betreffend de Annis 1636, 37, 38

G 87, Bündel 27 Verzeichniss der Gevatter und Gevatterinn bey Herrn Herzog Eberhardt zu Württemberg mit dero beyden Frauen Gemahlin fürstlichen Kindtaufen von 1637 bis 1674

21 Bündel 79 Acta des Erbprinzen Wilhelm Ludwigs Geburth und der Taufe

21 Bündel 80 Fürstliche Geburthen und Tauffe 1615–1674. Verzeichniss der Gevattern bey Printz Carl Christoph christlicher Betauffung

21 Bündel 80 Fürstliche Geburthen und Tauffe 1615–1674. Verzeichniss der Gevattern und Abgesandten bey der fürstlichen Kindtauff 1652

J 67 Leichenreden